

Роман КОРОБЕНКОВ

ПРАЙМ

с предисловием
А. НОВАКА

КНИГА ТАЙНЫХ СМЫСЛОВ

ВЕДЬМА

ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ КНИГА,
КОТОРАЯ ПЕРЕВОРАЧИВАЕТ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЖЕНЩИНАХ!

Роман Коробенков
Ведьма. Эзотерическая книга,
которая переворачивает
представление о женщинах!
Серия «Книга тайных смыслов»

Текст предоставлен издательством
<https://litres.ru/31424726>

Роман Коробенков. Ведьма. Эзотерическая книга, которая
переворачивает представление о женщинах!; АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-982972-0

Аннотация

<р>«Ведьма» Романа Коробенкова – глубокая эзотерическая, тотемная книга, приоткрывающая тайну женской сущности и возвращающая к истокам самого мироздания. Эта книга – многослойный торт, вишенкой на котором окажется почти невесомый, «тонкий» мир ощущений и эмоций.</р><р>Природная женская энергия, закрытые практики, вовлекающие в таинство женского восприятия, вплетены в паутину множества реальностей, которые создал автор.</р><р>«Психология между строк» – новая форма подачи метасообщений, которые оценят «искатели смыслов». Позвольте себе «медленное чтение»: отпустите ситуацию и дайте

возможность строчкам самостоятельно занять место в вашем сознании.

Фокус в том, что вы можете открыть книгу на любой странице и прочесть любое предложение – оно почти наверняка будет афористичным. В этом магия «Ведьмы», в этом ее особый путь. Эта книга – «зеркало восприятия», а ведьма, владеющая сакральными практиками, есть в каждой женщине. Эта книга выпустит на свободу данную женщине силу.

Содержание

Книга, которую нужно читать с карандашом в руках	6
Ведьма	10
Глава 1. Бесхозный принц	14
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Роман Коробенков
Ведьма. Эзотерическая
книга, которая
переворачивает
представление о женщинах!

© Коробенков Р., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Книга, которую нужно читать с карандашом в руках

Мы живем в странную эпоху

Перед каждым из нас открыты практически безграничные возможности в образовании, личностном росте и самореализации. И в то же время происходит тотальное обесценивание времени. Мы готовы тратить его на сериалы, «листание» ленты социальных сетей, на любые современные устройства, называемые фонетически неприятным словом «гаджеты». Книги больше не конкурируют с книгами. Книги борются за наше время. Именно поэтому о литературных произведениях, которые способны увлечь читателя в черно-белые текстовые джунгли, действительно нужно говорить!

«Ведьма» Романа Коробенкова – это событие в современной литературе, тотемная книга, повествующая о женской сущности и возвращающая к истокам самого мироздания.

Не бойтесь немного гнетущей атмосферы, в которую автор погрузит вас по ходу действия

Так надо, так задумано: ощущение – как от «американских горок», когда вроде бы страшно и опасно, но в глубине души ты понимаешь, что едешь по давно проложенным рельсам и твои эмоции вполне ожидаемы. Твои глаза открыты, для тебя все ново, а автор лишь еле заметно улыбается – ведь все идет своим чередом.

Читайте «Ведьму» безмятежно!

Не пытайтесь чрезмерно сосредоточиться. Вспомните старые сборники объемных изображений, которые были популярны в конце 90-х. В них, чтобы увидеть картинку, не нужно было напряженно всматриваться. Ключ состоял в отрешенном, можно сказать, «общем» взгляде. – Так и здесь.

Отпустите ситуацию и позвольте строчкам самостоятельно занять место в вашем сознании. Фокус в том, что вы можете открыть книгу на любой странице и прочесть любое предложение – оно почти наверняка будет афористичным. В этом магия «Ведьмы», в этом ее особый путь.

Выходите за границы привычного

Книга вышла в редакции, которая специализируется на нон-фикшн литературе, и публиковать художественные произведения не в ее правилах. Но ведь практически нет правил без исключений! «Ведьма» начала нарушать правила уже на самом старте своего пути, являясь ярким примером не жанровой прозы, но многогранной, не вписывающейся ни в какие рамки. Отчасти в этом заключается одна из ценностей этой книги и ее сакральный смысл.

Лучшие книги – те, после которых появляются свежие идеи

Вам предстоит стать участником невероятной игры, настоящего пасьянса из историй, каждая из которых способна показать, научить, натолкнуть! «Ведьма» может стать настольным произведением, с которым можно советоваться, столкнувшись с непростыми жизненными ситуациями.

Лучшие книги – те, после прочтения которых ты начинаешь делать что-то по-другому. Если изменил что-то в жизни и заметил улучшение – хорошая, значит, была книга, полезная. А если просто полистал и на идейно-эмоциональном

уровне абсолютно все осталось по-прежнему, то личностного роста не жди! Развлечение – может быть, выход на новый уровень – нет. У меня есть правило: рекомендовать только те произведения, которые способны изменить жизнь.

«Ведьму» можно рекомендовать каждому, кто может назвать себя «искателем». Тому, кто испытывает неутолимую жажду знаний, умеет и любит рассматривать жизненные ситуации, не привязываясь к одной точке зрения, а главное, больше слушает, чем говорит. И действует стремительно.

Если вы из «искателей», то, вероятно, уже проверили мое высказывание на счет «цитаты на любой странице». Ну что же, это означает только то, что ваше путешествие уже началось.

В напутствие скажу, что вы ощутите себя настоящим книжным гурманом, если сфокусируете свое внимание после прочтения «Ведьмы» на том послевкусии, которое она оставляет. Вы закроете книгу, когда дочитаете до финальной точки, но наверняка еще на какое-то время «останетесь» в ней. Не спешите расставаться с этим шлейфом. Он улетучится через какое-то время, так что попробуйте за него зацепиться, как за таящий в лучах утреннего солнца приятный сон. Это был приятный сон. Я рад, что вам только предстоит его увидеть.

Алекс Новак,

автор книг по саморазвитию

Ведьма

*«...каждый человек где-то в глубине души
хранит кладбище тех, кого он любил...»*

Из бескрайних просторов Сети

Действующие лица

Апрель (Апрель), *бубна, шатенка, карие глаза, самая высокая, сублильная, умна во вред себе*

Несусвета (Светлана), *трэф, брюнетка, синие глаза, плотного сложения, разрушительный темперамент*

Интрига (Инна), *черви, блонд, голубые глаза, самая миниатюрная интриганка*

Анестезия (Настя), *пики, брюнетка, зеленые глаза, художона, и с манией постоянной трансформации*

Липа (Липа), *блонд, черная королева, голубые с оттенками глаза, инструктор по фитнесу, высокочастотная стерва*

Вселенная (Елена), *волосы цвета кофе, темные глаза, белая королева, самая красивая, характер – перечная мята*

Арсений (Аркадий) – главный герой в двух ипостасях (как «я» и метафизическое «я»)

Глава 1. Бесхозный принц

Шесть девушек с прекрасными телами собрались в просторной квартире с малым количеством мебели и удивительно высокими окнами. Девушки, лениво переговариваясь, попивали красное сицилийское вино, кое-кто покуривал длинные тонкие сигареты.

Квартира затерялась в булыжных переулках сердца столицы. Третий этаж ее летом открывал вид на текущие потоки влюбленных, приезжих и иностранцев, а сейчас – на исчерченную хлестким дождем гравюру Камергерского переулка, безлюдного, с поникшими матерчатыми крышами бесчисленных кафе. Дождь казался настолько сильным, что прокрадывался ласковой музыкой сквозь тугие пластиковые рамы, подогревая и без того взвинченную психику утомленных походами по ночным заведениям нимф.

Раннее утро уже оформилось рассветом и теперь разливалось прохладным теплом цвета березового сока.

Настроение у девушек было томным – молодых людей в эту ночь было достаточно, чтобы каждая почувствовала себя королевой, но и успела слегка устать, вдоволь потешив высокомерие и утолив женское тщеславие.

Легко летело вино, быстро и страшно медленно крутились стрелки часов, времени казалось и много и мало. Лайкровые ступни вальсировали в разные стороны, измеряя углы и расстояния комнат, будто машинально. Броские вечерние платья, словно в карточной партии, схватывались в неравной

битве красного с черным: безумных червей с коварными пиками, эмоциональных бубен с загадочными крестями. Как отыгранные и забытые шахматные фигуры, возле входной двери привалились друг к другу диковинные туфли гражданок, удивительные в своей непохожести.

И девушки были абсолютно разными, как будто их специально так подбирали. Они по-разному реагировали, у каждой был свой собственный хаос легких тонких движений и тяжелых мыслей. И даже усталость по-разному мелькала незатейливой рыбкой в аквариумах их прекрасных глаз – одной придавая философскую задумчивость, в другой проявляясь суровой утомленностью.

А звали их (и это было отражено в паспортах) так:

анЕстезия Данилова,

Инна Трига,

ВсЕЛЕНнАя П.,

Апрель Лоскутова,

Света Несу,

Липа Чёртова.

То тут, то там в погруженной в полумрак квартире слышались разговоры:

– Почему вы расстались?

– Он сравнил меня с бутылкой... – обычное меццо-сопрано эмоционально взвилось вдали сопрано.

– Не поняла... – продолжало мягко выпытывать мятное контрольно.

– Зачем ты ведешь себя как бутылка. Так он сказал... – Снова голос негодующе взлетел в начале фразы и рухнул в конце.

– Не понимаю... – повеяло, точно теплым бризом.

– Когда бутылка падает, она делает все, чтобы разбиться, как бы ты ни пытался ее ловить. Если она потеряла равновесие, значит, четыре шанса из пяти, что разобьется. Он сказал, что когда между нами начинается разлад, я веду себя так же... Как бутылка!.. Будто он один заинтересован в наших отношениях... – распалилась одна из девушек, та, что с меццо-сопрано. Ее рубинового цвета короткое платье с узким шелковым лифом и еще более узким атласным низом храбро взметнулось, меняя узор сплетенных длинных ног. Она определенно выглядела дамой бубен, тогда как ее смугловатая собеседница, покачивающая сигаретой и машинально перебрасывающая копну смоляных волос, явно олицетворяла даму трэф.

– И из-за этого расстались? – не торопясь и вдумчиво, вместо вина потягивала она чужие откровения.

– Ты бы не обиделась, если бы тебя сравнили с бутылкой? – изогнулись и распрямились соболиные брови. – Или еще: достучаться до тебя – все равно что голыми руками ловить вертолетную лопасть. Во как...

– Не знаю, Апрель... Вроде он не совсем то имел в виду...

– произнесло контральто.

– Может быть... Тем не менее звучало это обидно, и я приняла решение.

– Не грустно теперь?

– Наверное, жалею. Точнее – и жалею и не жалею. Никому не позволю унижать себя.

– Мне как-то говорили нечто подобное... Только другими словами. Зачем ты ведешь себя как малолетка, сказал мне один человек. Я не обиделась, просто начала задумываться о своем поведении. Мужчина в расцвете сил, даже судя по его метафорам...

– Это не одно и то же, Света... – прервала ее собеседница, рассердившись.

– Познакомь нас, раз он уже перевернутая страница в твоей книге, – явно шалила дама трэф. – Люблю мужчин, изъясняющихся гиперболами.

– Еще чего... – гневно фыркнула Апрель.

Девушки, поутру баловавшиеся диалогом, облюбовав юными ягодицами мраморную плоскость широкого подоконника, лениво поглядывали на пенящийся от дождя Камергерский переулок и обводили зрачками сумрачный периметр гостиной, где высокие арки демонстрировали свои внутренности просторной светлой кухне и длинному коридору, расписанным «белым шумом» – как помехи на телеэкране. Окно в форме широченной замочной скважины погружало их в телесный твид раннего солнца, отчего их соб-

ственная телесность приобретала расплывчатые очертания, и казалось, что на подоконнике сидят два пустых платья.

Из кухни доносился другой диалог:

– Замечательный старый дом с замечательным новым ремонтом. Не находишь? – звонко и раскатисто вырывался из горловых труб концентрированный восторг.

– Нахожу... – более спокойно соглашался кто-то, кого пока видно не было.

– Почему не пьешь вино, Елена? Оно прекрасно... – прыгал с одной темы на другую тот же голос. На его фоне тишина отчетливо резонировала и приобретала телесность даже в самые короткие паузы.

– У меня иногда болит желудок, – мягко объяснилась собеседница. – От вина. Я вообще обычно не пью. Или совсем чуть-чуть.

– А в клубе ты вроде...

– О чем сейчас сожалею. Я люблю кефир, с некоторых пор стакан кефира вечером дарует нужное состояние. – Сказанное прозвучало совсем невинно, так что звонкая девушка даже зажмурилась, «переваривая». – И не важно, каким делом предстоит заниматься...

– Прямо так? – стремительно заметался вопрос по кухне.

– Прямо так.

– Забавно...

– А именно? – что-то насторожило Вселенную в голосе собеседницы.

– Ты такая неиспорченная... – притворно вздохнула неподдельная дама червей.

– Это, наверное, хорошо? – тихо переспросила всамделишная белая шахматная королева.

– Как посмотреть, милая... – в переливе нот невысокой девушки тренькнули стервозные аккорды.

– Не думаешь, что первое впечатление может быть обманчиво?

– Не думаю... – скептические нотки почувствовались ярче.

– А как ты относишься к тому, что здесь затеяла Липа? – С едва заметной улыбкой Елена поменяла тему беседы.

– Она всегда что-то затевает, – пожали узкие, почти прозрачные плечи. – Ее новое увлечение ведьмической культурой, по крайней мере, меня не удивляет... – В тихой паузе утонуло чирканье зажигалки. – Все ее поступки эксцентричны...

– Всегда, – колокольчиком прозвенела ее собеседница.

– Слышала, что не настолько оно и новое, – осторожно заметила девушка с темными смородинками вместо глаз, острым носиком и закушенной нижней губой. Она вообще была очень осторожной и напоминала неземной цветок, который срочно хотелось пересадить в личный вазон.

– Скучно не будет... Она позвала меня, сказав, что из массы ее знакомых я и еще кое-кто способен организовать что-то необычное. – Миниатюрная блондинка с лицом в форме сердечка и пронзительно голубыми глазами временами, ка-

залось, падала вглубь внутреннего колодца, теряясь в колосистом поле своих стремительных размышлений.

– Я слышала о себе то же самое. – Девушки переглянулись, невольно улыбнувшись.

– А что конкретно планируется? – пустила вперед провоцирующую тишину лукавая дама червей.

– Я слышала только одно слово.

– Какое же?

– Шабаш! – Светлые обои со словами мертвого языка вздрогнули, точно вода, чтобы уже через мгновение принять прежнюю форму.

* * *

И снова:

– Не подумай, что я сошла с ума... Мне вчера приснился странный сон... – Зубастый гребень усердно и часто нырял в каштановый водопад волос темноглазой Вселенной. Она перебралась на барный стул, поддерживающий ее стройное тело, обернутое в пестрое платье в стиле смешанного «этно» с брызгами фиолетового. Теперь она тоже пила вино.

– Я вся внимание, – отозвалась Интрига, напирая на «я». Она устроилась на кухонной столешнице, открыв ноги, и дымно курила. На Интриге было надето горчичного цвета платье, искристое, с высоким воротником, без рукавов, с разрезами на бедрах, приоткрывавших соблазнительные

ткани нижнего белья.

– Просыпаюсь в незнакомом месте... – Елена медленно и сосредоточенно повела рассказ. – Деревенский дом, деревянный, очень старый, мертвый, потому что дерево везде серое. Или, может быть, просто сон черно-белый... Просыпаюсь в незнакомой постели, одна. Осознаю, что дом незнакомый, озираюсь, подмечая детали, некоторые из них узнаю. Они цветные. Телефон синий. Чашка на столе – зеленая. Ржавчина на зеркале... Но в основном все чужое. Ноги несут меня прочь из дома. Отворяю потемневшие двери, выбегаю на крыльцо... – Рассказывая, она зорко и с хитрым прищуром следила за собеседницей. – А там зима... Белая, пушистая, вероятно холодно, потому что пар идет, длинный, нескончаемый. При всем этом... Не смейся! Я вдруг понимаю, что абсолютно голая. Вижу свои босые ноги, грудь, живот... И тут вижу еще что-то, что быть не может в принципе моим, но что есть и, более того, – огромное и полное крови. – Выразительный взгляд Елены смутил Интригу. Она отвела было игривый взгляд, но через секунду снова посмотрела на нее, постаравшись придать взгляду чуть больше лихости. – Да, ты поняла правильно. Как будто чужой, но растущий из моего тела, а значит... мой. Смотрю на него, затем подхожу к краю заиндеветшего крыльца. Доски должны как будто скрипеть, но они не скрипят, потому что сон немой. А вокруг белым-бело от снега, и ничего не видно, только протяжная белизна кругом. Обхватываю руками, замираю –

и начинаю пИсать и писАть... много и долго. Делаю это, уже не удивляясь, а, напротив, радуясь неожиданному приобретению... – Девушки как по команде заливисто засмеялись. – Писаю, потом понимаю, что тем самым пишу на снегу какой-то текст, несколько слов даже, пишу так аккуратно, чуть ли не с вензелями, и начинаю приглядываться. – Елена сделала значительную паузу, заняв ее осторожным глотком. – Щурюсь, разбираю, прочитываю наконец... – Она просторно улыбнулась. – И...

– И что?.. – не удержалась Интрига, чувствуя, как умные и цепкие темные глаза собеседницы плотоядно изучают ее внешность и не дают покоя, но что приятно – нет нужды прятаться и ложно скромничать.

– ...и просыпаюсь! – Голова формы идеального киви, обрамленная броскими волосами цвета кофе, погрузилась лицом. – Теперь пытаюсь вспомнить, что же такое я написала. И не могу... – Чуть виноватые уголки масляных губ опять невысоко взлетели.

Правильный маленький нос ее собеседницы собрал на своей малости несколько морщинок, после чего его хозяйка еще раз заразительно рассмеялась и протянула капризно:

– Не-е-ет...

– Что? – плутовато поддразнила ее Елена, в том числе улыбкой, открывая в задорном блеске не меньше чем двадцать восемь зубов, выточенных ровно и аккуратно. В секундном просвете солнца сквозь тучные гряды ответили

вспышкой детально выпестованные ферзи белого золота в фарфоровых мочках. Волосы к этому моменту до последней пряди оказались забраны в каштановый хвост.

– Ты обманываешь меня, Елена... Что ты написала? – Сквозь уши блондинки, прошивая сразу несколько мест нежного изгиба, проходили тонкие спирали, заостренные книзу и тупые сверху мелкими, искристыми бриллиантами. На левом запястье, мелко выделанные, мелькнули многочисленные карточные черви.

– Не помню, – пожалала открытыми плечами девушка. – Но вспомню, потому что пока не вспомню – не успокоюсь. И обязательно расскажу.

– А ты уверена, что прочитала? – Инна невольно вжалась спиной в пластиковый фрагмент кухни... – Ну... Надпись... – Взгляд ее увлажнился.

– Уверена, – уже без улыбки твердо сказала девушка. – Более чем. Я проснулась и секунду еще помнила, а потом забыла... Но это что-то несложное, что-то осмысленное даже.

* * *

В это же время в одной из комнат:

– «Молот ведьм»? Любопытная книжка... – Еще одно меццо-сопрано прозвучало растянутыми слогами и неожиданными интонациями.

– Как любая уважающая себя ведьма, я должна знать эту

книгу или просто иметь ее. – И более низкий, самоуверенный в каждой нотке голос, на правах хозяйки, категоричный в суждениях. – А лучше и то и другое!

– Зачем? – ничуть не удивившись, продолжала спрашивать Анестезия. Ее тонкие пальцы играли с книгой, разламывая в разных местах и выкрадывая кусочки текста.

– Эта книга о том, как вычислить нас, как бороться с нами. – Хищное лицо Липы пряталось в блондинистые пряди, волнами бьющиеся об острые рифы крепких плеч. – Как не забыть, кто мы есть... И о многом другом, создающем реальную опасность для ведовства. – Узкий нос с отчетливой горбинкой, холодные глаза, жесткие губы сильного рта – лицо выглядело донельзя шельмисто.

– Даже сейчас? – с глубоко скрытым сарказмом усомнилась Анестезия.

Они расположились в большом квадрате комнаты, спрятанной от света тяжелой фиолетовой портьерой.

Блондинка полулежала на краю широкой кровати формы круга, заправленной в хлесткий пурпур, окаймленный пушистыми золотыми кистями. Пронзительно лилейное платье страстно обхватывало талию, очерчивало аппетитные ноги с тяжелыми икрами и простиралось вниз – до домашних туфель. Липа демонстрировала образ белой королевы, но все, кто был с ней знаком, знали точно: она – самое что ни на есть черное высочество.

Брюнетка тем временем замерла возле книжной полки,

высокой даже для таких далеких потолков. Взгляд ее наискось цепко оценивал саму себя в высоком, как и полка, трюмо сальвадорской подтаявшей формы, заключенном в крапчатый мрамор. Закрытое черное волнистое платье слегка распахивалось и подчеркивало по-детски стройное тело с неожиданно массивной грудью. Смоляные локоны острыми спиралями подавали на лезвии общий образ дамы пик со взглядом, полным холодного огня.

– Сейчас... Нет, ныне самое удобное время для эволюции ведьмы. Произошло самое ужасное с точки зрения «Молота ведьм», – вполголоса нашептывала в потолок хмельная Липа, слушая негу собственного тела, благодарного горизонтальному положению. – Произошло то, чего более всего боялись авторы книги. В ведьм не верят, считают средневековыми выдумками, по этой причине «Молот» превратился в архаизм. Тем не менее... – Она широко и расслабленно зевнула, на миг утратив привлекательность. – Предпочитаю знать своего врага в лицо.

– Значит, ты не считаешь, что она устарела? – Брюнетка упражнялась в мимике, кропотливо фиксируя реакции в честном стекле, пальчики во французском свете нетерпеливо скребли обложку.

– Новое надо выдумать, Настя... А чаще новым назовут старое, – терпеливо не согласилась обычно нетерпеливая блондинка.

– Я могу взять ее почитать?

– Конечно. С возвратом.

Высокие бокалы, похожие на пышные, только распутившиеся розы, терялись на трюмо среди вселенной женских мелочей: тюбиков, скляночек, бутылочек и прочего добра, с помощью которого женщина творит свою воздушную алхимию.

Тем временем Апрель сменила тему:

– Рим произвел на меня острое впечатление, Света... – немного запинаясь, что выдавало присутствие винных паров в ладной головке, вещала Апрель. – Вся эта нафталиновая коричневая обертка... Прекрасно! Очень мало современных зданий. Даже у более-менее современных, если приглядеться, обязательно найдется или стена, или фрагмент, или просто элемент старой кладки. Раковая опухоль старины. Она там везде...

В рассказе была некоторая экспрессия, отчего большие треугольники серег Апрель немо подрагивали, обманывая ожиданием звука.

– Лучше скажи – «пигментное пятно», – перебила ее Несусвета, тоже проглатывая окончания слов и машинально увлекаясь сигаретой.

Они перебрались с окна на коричневый, точно офисный, диван, очень широкий, откуда открывался вид на окно, теперь запрятанное в смарагдовые шторы, на телевизионную плоскую панель, дюжину разномастных картин, серебристый скелет спортивного тренажера и на приземистую барную

стойку, мигающую множеством стекла, закрепленного в металлических языках и спиралях. Стульев возле бара не было – расхищенные, они прижились в других местах квартиры. В одном из углов раздуло широкую горластую клетчатую вазу, напичканную букетами так, что ее почти не было видно, коренастое музыкальное устройство расположилось своими колонками тут же, едва выдавая себя меланхоличным мотивом.

– Арки, арки, арки, элементы древней городской стены, что проступают везде, булыжные мостовые... – то тихо, то громко продолжала вещать Апрель, кривя рот на длинном скуластом лице с намеками щек. – Все коричневое... Почти все... – Через мгновение она тоже курила, дирижируя сигаретой собственным словам. – Как этот диван. Было прекрасно! Мы даже ни разу не поссорились, что само по себе удивительно. Больше впечатление, чем Рим, на меня произвела лишь Венеция с ее лабиринтными улочками и повсеместной булыжностью. А еще там дома цветные. Оранжевые, рядом могут быть красные стены и зеленые... – Просторный карий глаз, слегка замыленный, пересекался с миндалевидным черным оком, чей взгляд аккуратно прыгал с картины на картину. – Все спаяно в один архитектурный узел, набережные с мостиками, узкие улочки, где порой двое расходятся боком... Каналы... Только там можно увидеть дом с крыльцом, округлые ступени которого выходят прямо на воду... Представляешь? А рядом – катерок качается... – Химия мечта-

ний придавала млелость чертам лица.

– Пытаюсь... – улыбалась самым широким в данной местности ртом на круглом лице смуглая красавица, ряженная в цветастый просторный сарафан, с подолом, помеченным крупными крестями. Глаза ее, глубиной с ночь, тем временем блуждали по картине. Там на черном фоне светлела лежащая на плетеной софе фигура девушки в молочном платье.

– А Милан меня не поразил, – не смущаясь беглых взглядов собеседницы, плела вязь речей хмельная Апрель, не упуская любимой забавы – попытки размещения длинных ног с видом, будто им решительно мало места. – Конечно, большой, конечно, столица моды мировой, конечно, что-то в нем есть, но в принципе – обычный мегаполис. Нет, Кафедральный собор прекрасен, поражает воображение. В остальном – обычный большой город...

– Ты хотела рассказать о вашей ссоре... Почему... в итоге? – зевнула в уютную ладошку Несусвета. – Сравнил с бутылкой – все понятно, – поспешила она, понимая, что можно услышать рассказ сначала. – Но едва ли это первопричина, скорее последняя капля... Ты устала и прочее, помнишь?.. Вот с этого поподробнее... – Сильные мочки крепко держали на изогнутом гвоздике по увесистой жемчужине – белой и густо-черной.

– Я... – Апрель запнулась, погружаясь в вопрос. – Я... Он уже взрослый, у него много накопилось отрицательного, не

хочу быть эхом всего этого. Он и верит мне и не верит... – Она старательно сморщила губы. – Я устала: не могу достучаться до него, это практически невозможно! Иногда он груб. Если он в чем-то убедит себя, а делает он это легко, его не переубедить.

– А надо ли? – выгнула густые брови Несусвета. – Он же мужчина, зачем его переубеждать? Насчет «не верит» – может, и хорошо? Может, это предостережет тебя от импульсивных глупых действий, которые разрушили бы большое доверие, которого ты так хочешь?

Обе посмотрели на бутылку вина, но та опустела. Девушки не выказали разочарования.

– Я не давала ему повода, – упрямо высекла искру из глаз Апрель. – Ни единого...

– Повод – вещь относительная. – Несусвета переключилась на следующую картину с индуистским божеством Ганешей, покровителем творческих личностей и туристов, с телом человека и головою слона, детально прорисованным фосфорной зеленой краской на сажном фоне. – Его отсутствие вроде бы и дает какие-то преимущества, но... В моих человеческих огорчениях мне не давали повода ни разу. Но от этого не легче потом... Даже наоборот, когда ты не готов подсознательно, голова взрывается с большей силой. – Она издала звук взрыва, пустив по пышным губам крупную дрожь, от которой Апрель вздрогнула лицом.

– И тем не менее, – зло перебила ее категоричная Апрель,

– я приняла решение: мы разные. И по возрасту, и по характеру. Он не уважает мои желания. Если чего-то хочет, этого же должна хотеть и я. Я так не могу! По крайней мере, надо попробовать побыть врозь, хотя бы отдохнуть. – Юная убежденность порхала по правильным линиям привлекательного лица, карие глаза горели неугасимым светом, нервный рот пылал отчаянным максимализмом. – Я должна его проучить, иначе будет только хуже.

– Хуже бывает разное, – поучительно отозвалась Несусвета, взглянув на фотопортрет. Черно-белый, он словно позволял заглядывать в эти стены классической дивы – Мэрилин Монро, на самом деле не будучи ею. – Случается хуже, когда и проучить некого. – На фото старательно надувала губы в томном прищуре хозяйка местных комнат, блондинистая истеричка Липа. – Или можно проучить саму себя таким образом... Другое дело, если он просто надоел. – Двумя цветными акцентами на фотопортрете алели губы и отчетливо-кофейная родинка на щеке, которой в реальности не имелось. – Я помню начало вашего общения, когда тебе везде мерещились его бывшие. Ты не верила, что он одинок. И дома у него искала и находила признаки женского присутствия. И забывала там свои вещи в местах неочевидных, и разбрасывала волосы везде... – Несусвета прыснула неожиданно даже для себя, на глазах выступили слезы.

– Это моя жизнь, – непримиримо резанула Апрель, враждебно всматриваясь в профиль приятельницы, точно видела

его впервые. — Я сама приму решение. И надоел, кстати, тоже... Некоторые вещи невозможно терпеть!

— Я не против. — Несусвета спрятала глаза за тяжелый сажный локон. — Ты сама все знаешь, сама все решишь, тебе виднее. Твоя точка обзора — самая высокая. Просто взрослых мужчин не переделать, не перекроить. Я, честно говоря, поела бы. Проголодалась... — повторила она, словно опасаясь, что собеседница ее не поняла. — Кажется, кто-то говорил что-то о рыбе...

— У меня аллергия на рыбы кости, поэтому я не ем рыбу, — все еще обиженно откликнулась шатенка, думая, менять или не менять тему.

— Странная аллергия! А еще на что у тебя аллергия? — В следующую раму, казалось, выплеснули несколько ведер разной краски.

* * *

Липа продолжала откровенничать:

— Мне когда-то попала ресница в глаз, и так удобно прилегла в самом углу, что, как я ни пыталась, не смогла подобраться даже близко, хотя она вроде и не была далеко, — невыразительно рассказывала Липа, находясь уже на ногах и пребывая с подругой подле массивного зеркала, где они разглядывали друг друга, счастливые своей непохожестью. — Глаз долго болел, эта ресница сводила меня с ума. Потом я

привыкла. Сейчас даже не вижу ее, только чувствую. И врачи не видят. Она есть, она мучает меня...

– Мне кажется, ты родилась с этой ресницей, – с широкой улыбкой поддразнила собеседницу Анестезия. – Просто в какой-то момент ты ее заметила. – В аккуратных ушках в области мочек росли бархатные пушистые черные розочки серег. Если присмотреться, в некоторых ракурсах они напоминали трехмерные карточные пики.

Большие глаза встретились в зеркале: одни – иссиня-голубые, другие – отчетливо-зеленые, большие улыбки схлестнулись, сажные и белые кольца волос контрастно перекликались. Лицо блондинки выглядело злым, даже когда она источала позитивные эмоции, лицо брюнетки, напротив, казалось мило-детским, даже когда она бывала откровенно недоброй. Одна – со вздернутым носом с широковатыми крыльями, у другой – нос с горбинкой, она повыше ростом и гораздо спортивнее, обе с высокими лбами и непохожими ступнями. Они бегали взглядами друг по другу, потом по артиллерии скляночек и полезных предметов, смеялись своим отражениям и понимали друг друга с полуслова. При этом крепкотелая хозяйка дома была значительно старше, а субтильная Анестезия улыбалась губами, что из года в год становились пухлее.

– Я тоже так считаю, – хохотнула Липа. Они звонко подержали конкурирующие переливы в аспидных стенах с золотистыми вертикальными вкраплениями витиеватых узоров. –

По-моему, дело в великом множестве этих самых ресниц! – Ее уши совсем недавно несли на себе по извилистой молнии белого золота, но сейчас открывали по две розовые дырочки на каждом.

– Могу рассказать о невидимой занозе, – мягко пророкотала Анестезия. – Ты наверняка знаешь, так бывает, когда занозишь руку чем-то, чего не видишь, но чувствуешь. Трогаешь определенную точку на... допустим, на пальце, и это место колется и болит. А глаз не различает ничего. Если пощипать, обычно заноза выходит. – Тонкие веки артистично затрепетали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.